

О.Б.Леонтьева. Историческая память и образы прошлого в Российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: ООО «Книга». 2011.

Прошлое, настоящее и будущее в книге О.Б.Леонтьевой

Издание выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель и программы фундаментальных исследований РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Ольга Леонтьева – молодой ученый, доктор исторических наук и гуманитарий нового типа. С Самарой связаны все ее корни: родители – известные в Самаре вузовские преподаватели Тамара Ильинична и Борис Николаевич Леонтьевы. За спиной их дочери – Самарская школа, Самарский университет – от студентки до молодого еще профессора. Здесь она и работает на кафедре отечественной истории под руководством профессора П.С.Кабытова. Трогательно чтит своих учителей и нежно любит студентов.

С другой стороны, Ольга Леонтьева, как и другие современные гуманитарии, уже увидела исследовательские проблемы в разных научных и национальных «оптиках»: стажировалась в американском университете; работает по немецким грантам. По политическим убеждениям она – страстный защитник Самарской культуры, в частности, – Областной научной библиотеки и ее изумительного Отдела редкой книги.

Очевидно, что современный ученый такого типа, укорененный в Самаре, поработавший с зарубежными университетами, должен создать достойный научный труд. Плюс к тому, Ольга Леонтьева – неповторимо талантлива. Она выпустила в свет книгу, которая впечатляет знанием исторического прошлого и дарит большие надежды.

Начнем с того, что рассматриваемая книга посвящена, казалось бы, самым известным периодам русской истории: конец XIX – начало XX вв. Однако, новые методологические подходы «интеллектуальной истории», «живой памяти», а главное – использование наряду с исторической классикой – философской, искусствоведческой, социологической литературы, авторов русского зарубежья и зарубежной славистики, – позволили создать многопрофильный и инновационный «продукт».

Взяты не только самые известные, но и самые судьбоносные периоды российского общества: пореформенные годы конца XIX и предреволюционная пора начала XX века. Русская история рассматривается в особом дискурсе: прошлое в науке, образы истории в искусстве и их динамика. Леонтьева едва ли не впервые на столь широком материале показывает чрезвычайную изменчивость и динамичность образов прошлого, те или иные интерпретации которо-

го, вольно или невольно использовались и используются как средство социальной идентификации.

Данный методологический вывод касается не только русской истории прошедших веков, но и наших дней. Сходное социальное переживание развилки в развитии страны, бифуркации, а потому гигантский интерес к наследиям: «В прошлом видели ключ к пониманию настоящего и будущего своей страны» (С. 19). Еще в начале 1980-х гг. Н.Я.Эйдельман писал, что именно русская жизнь конца XIX века вызывает прямые ассоциации с концом XX века.

Представление изучаемой эпохи межпредметно: через историческую науку и философию, социологию, художественную практику – не самоцельно. Леонтьева объясняет, что в одних случаях историки были поставщиками новых взглядов на прошлое; а в других – живописцы, писатели и композиторы давали импульс новым историческим и идентификационным идеям. Так, например, вслед за новой интерпретацией Ивана Грозного у С.М.Соловьева последовал настоящий шквал: образ царя Ивана в литературе, изобразительных искусствах, музыке. Историки и художники, как доказывает исследовательница, шли параллельно, открывая старобрядчество как особое мирозерцание русской культуры; создавая диаметрально противоположные образы Петра Первого; опознавая подвижничество то через христианскую антропологию, а то и через бесовство терроризма.

Таким образом, автор организует гигантский материал на стыке научной гуманитаристики и художественной культуры, живо представляющий процесс саморазвития русской идентичности и менталитета. Научная новизна работы состоит, по-нашему мнению, прежде всего, в созданном автором диалоге с прошлым, в многоголосной полифонии исторических и художественных материалов, увязанных в одном тексте.

Композиция книги логична и мотивирована. В первых двух главах ставятся общие теоретические и методологические вопросы. Вопросы, в общем-то, очевидные, но поиски убедительных ответов на них сложны. Почему «суд над историей» стал столь значительной идентификационной проблемой в пореформенный период? Как откликнулись на эту проблему историческая наука и искусство? Чем отличался «дар исторического прозрения» в культуре «серебряного века» от «поисков народной правды» в пореформенный период? Леонтьева доказатель-

но заключает в конце первых глав: «События исторического прошлого, – будь то правление Ивана Грозного, стрелецкие бунты, раскол церкви или начало петровских реформ, – трактовались в российском обществе пореформенной поры как символы, архетипы, обращение к которым позволит понять правду русского народа и смысл его истории» (С. 179).

Четкая логика породила и тематику последующих глав III – IV – V: Власть – Народ – Интеллигенция. Каждая из глав имеет более сложные подзаголовки, показывающие, например, что категория «народ» сложилась в головах интеллигенции, чьи представления о народе включали безмерно противоречащие друг другу концепции. Тем не менее, каждая из трех глав строится на рассмотрении одной и ключевой проблемы.

Отметим еще, что главы научного исследования, содержащие огромное количество голов, персонажей, материалов, выстроены с настоящим драматургическим и фабульным мастерством. Живыми персонажами все время меняющейся и подвижной социальной коммуникации становятся то исторические идеи, то образы художественной культуры, а то и их взаимодействие в решении «основного вопроса исторической памяти»: идентификация, поиски пути, точки бифуркации.

Исторические лица, подобно шекспировским персонажам, толкают общество к поступкам: «Ну, Грозный, ну Карамзин», – восклицает К.Ф.Рылеев, будто бы речь идет о «тени отца Гамлета», требующей действий и участия. Повторим, что особенно драматургичны последние три главы, связанные с динамикой концепций власти – народа – подвижничества: от периода к периоду; от одного мировоззрения к другому; от одного политического слоя к его антиподу.

Отметим одну небольшую, но конструктивную деталь книги. В последних трех главах автор постоянно применяет специфический и, на наш взгляд, удачный прием. В тексте множество нетривиальных литературных или художественных цитат, которые выполняют роль «информации к размышлению». Они выделены версткой, набором, шрифтом. Эти коллажные цитаты – вклейки не только заставляют прислушаться к научной концепции автора, но создают эффект «перенесения», присущий роману или драме эпохи – «медиа».

Не хотелось бы пересказывать сейчас содержание этих глав, вдумчивый читатель еще откроет их для себя. Подчеркнем только, что сопоставляя картины, исторические и драматические тексты, Леонтьева показывает появление на сцене новых и новых мнений. Их полифония увлекательна как живая жизнь с ее беско-

нечным многоголосием. Огромная и многоликая картина прошлого, воссозданная автором, не выглядит клочковатой или сухой. Напротив, поражает взаимодействиями, внутренними связями, глубоким проникновением не только в исторический, но и художественный материал.

Мы уже ссылались на межпредметный характер работы, затребованный ее целями и задачами. Историк Леонтьева опирается в своих выводах на разнообразные тексты, в том числе, как уже много раз было сказано, на искусствоведческие или музыковедческие исследования. Делает это с такой проникновенностью, которую не часто встретишь в книгах философов, историков, социологов, посвященных искусству. Обращаясь к художественной практике, историки частенько остаются «на пороге», оперируя датами, сюжетами и характеристикой политических позиций писателя или живописца. При этом упускается внутренний анализ художественного текста, что, бывает, злит коллег филологов или музыковедов: мол, своими информационно-политическими «ломами», беретесь характеризовать тонкую материю искусства.

Леонтьева входит в художественные тексты вместе с великолепно отобранными комментаторами-специалистами. Например, ссылаясь много раз на оперу Мусоргского «Хованщина» (темы старообрядцев, Петра Первого, старой и новой власти), автор оперирует лучшими музыковедческими исследованиями – работами А.Орловой, Э.Фрид, которые «изнутри», исходя из музыки, открывают гениальную философскую концепцию прошлого – настоящего – будущего в русской музыке. Благодаря музыковедцам в поле внимания Леонтьевой попадают редкие источники, например, либретто «Хованщины», написанное самим Мусоргским. Цитаты из авторского либретто – несравненная «информация к размышлению»: каков уровень исторического мышления и знаний у композитора этой эпохи!

Ровно также, Леонтьева чутко отбирает интерпретаторов художественных или философских текстов для характеристики Серебряного века, что позволяет как бы изнутри представить провидческие постижения прошлого у ее представителей. «Информации к размышлению» от Д.Мережковского, А.Скрябина, А.Бенуа, А.Бердяева, С.Франка, Л.Карсавина создают мощную драматургическую картину интеллектуальной жизни эпохи.

Следуя дежурной, но не всегда правдивой формуле, принято говорить в конце, что данная книга, несомненно, будет интересна не только специалистам, но также и широкому читателю. В случае с Ольги Леонтьевой – все, действи-

тельно, так: книга станет открытием и для специалистов, и для широкой публики.

Леонтьевой создала не только исследование, обладающее научной новизной, но написала увлекательную книгу для широкой аудитории, а в первую очередь (будем надеяться) – для студентов, с которыми автор уже давно и успешно работает. В тексте множество актуализаций и проекций в современность. Мастерски доносятся до современного человека искания прошлого. Прозрачность и эссеизм книги перекликаются с современными проблемами и приемами современной культуры.

Наряду с цитатами-вставками из Н.Карамзина, С.Соловьева, В.Стасова, А.Бердяева, С.Франка, Л.Карсавина, наряду с выразительными цитатами из В.Сурикова, М.Мусоргского, А.Блока, М.Волошина, автор время от времени остроумно цитирует Л.Кэрролла, братьев Стругацких. Чего стоит один эпитафия из Агаты Кристи к книге по русской культуре и методологии «интеллектуальной истории».

Оставаться убедительным для специалистов и быть «своим» для широкого читателя – это требует таланта, смелости и вкуса. Ни научная подкованность, ни логика и трудолюбие не заменят способности построить логичный и драматургически захватывающий диалог с читателем; да к тому же еще на известных периодах

русской истории. Ольге Леонтьевой удается диалог с разными группами читателей. Редкость в наши времена снобов и гламура.

Итак, в Самаре вышел в свет фундаментальный труд об «истории Отечественной истории» в один из ее самых великих и поворотных периодов. В нем воспроизведено многоголосие русской гуманитарной науки и художественной культуры по кардинальным вопросам: власть – народ – подвижники. Исследование доказывает идентификационный смысл научных интерпретация и художественных образов истории, прошлого, былого. Книга о русской культуре прошлого помогает понять инверсии-актуализации тех «судов памяти», которыми перенасыщена научная, художественная и медийная практика наших дней. Все сказанное, несомненно, доказывает, что книга О.Б.Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в Российской культуре XIX – начала XX вв.» – событие Самарской науки и культуры.

Что может значить труд О.Б.Леонтьевой для будущего? Талантливый автор примиряет с настоящим и дарит надежды на будущее.

Е.Я.Бурлина
доктор философских наук, профессор,
член Союза композиторов РФ
(Самара)